

Рисуя бабочку

На длинном столе в центре тёплого павильона слуги уже привычно расставляли стулья, раскладывали бумагу, подставки для кистей, чашечки и ступки для смешивания красок. Двое слуг внесли ту самую коробку с красками. Оказалось, что это не просто набор, а огромный, тяжёлый ларец из чёрного дерева.

— Я и не ожидал такого щедрого подарка, — улыбнулся Се Фэй.

Сюй Чуню оставалось лишь скромно отнекиваться. Се Фэй с улыбкой взял его за руку и подвёл к столу, приглашая гостей:

— Прошу всех взглянуть на эти заморские краски.

Гости столпились вокруг. Когда большой, инкрустированный перламутром и золотой проволокой ларец открыли, все увидели множество маленьких отделений. В каждом отделении на серебряной табличке было написано название цвета: «золотой», «серебряный», «жёлтый индантрен», «титановые белила», «охра», «киноварь», «кармин»... В отделениях стояли маленькие хрустальные флакончики. Сквозь прозрачные стенки были видны разноцветные, мелко смолотые порошки. Всего было шестьдесят цветов, в каждом флаконе — около ста граммов. Это была действительно редкая вещь.

— Эти таблички я попросил сделать знатока, — пояснил Сюй Чунь. — Он определил каждый цвет. Но он сказал, что пока флаконы не открыты, нельзя быть уверенным. Когда краски смешиваешь с водой и нанесёшь на бумагу, цвет может оказаться другим. Если молодой князь заметит неточность, он может сам исправить. Но купец, который их продавал, уверял меня, что эти краски обожжены и поэтому не выцветают.

— Цвет становится ясен только на бумаге, это верно, — улыбнулся Се Фэй. — Даже на разной бумаге один и тот же цвет выглядит по-разному. А чтобы увидеть его по-настоящему, нужно смотреть при дневном свете.

Гости ахали и перешёптывались, прикидывая стоимость набора. Один только ларец и шестьдесят хрустальных флаконов стоили несколько тысяч лянов, не говоря уже о редких пигментах. Золотой и серебряный были сделаны из настоящего золота и серебра, а многие другие — из растёртых в порошок драгоценных камней. Те, кто не знал наследника князя Цзин, стали расспрашивать о нём, и кто-то шёпотом поведал о его богатой по материнской линии семье.

Пока все шумели, однокашники Сюй Гу не удержались от комментариев.

— Это подарок от вашей резиденции? Весьма изысканно, — похвалил один.

— Такие краски не каждый может себе позволить. Только ваша семья, пожалуй.

— Боюй, ты ведь тоже неплохо рисуешь, наверняка пользовался ими? — спросил Лю Пэнфэй.

Боюй — второе имя Сюй Гу. Спрашивающий, Лю Пэнфэй, был из знатной семьи, но в этом году не смог сдать экзамены. Он всегда свысока смотрел на Сюй Гу, сына от наложницы из обедневшей княжеской семьи, которому, по его мнению, просто повезло, что законная мать позволила ему учиться. Он знал, что такой дорогой подарок, скорее всего, и законный наследник не использовал, но всё равно решил уколоть Сюй Гу.

Сюй Гу же только сегодня утром узнал, что именно они дарят. Увидев в списке набор красок, он удивился — законная мать всегда была щедра, а этот подарок казался скромным. Разве в княжеской резиденции не хватает красок? Но пара ваз для сливы спасала положение. К тому же, его мнения никто не спрашивал, поэтому он промолчал.

Теперь, увидев эти краски, он тоже был поражён. Не обращая внимания на колкость Лю Пэнфэя, он смотрел на Сюй Чуня и Се Фэя, а сам думал о том, не связано ли недавнее пожалование титула его законной матери с молодым князем. Ведь она, такая умная и расчётливая, не могла не позаботиться о будущем своего родного сына. Этот подарок, на первый взгляд скромный, на самом деле был бесценен для любителя живописи.

А Сюй Чунь, такой наивный и беспечный, упорно молчал о том, кто помог ему добиться титула для матери. Неужели это он?

Друг Сюй Гу, Лу Мосюань, не выдержал высокомерия Лю Пэнфэя и съязвил:

— Разве ты не слышал, что наследник Сюй сказал, будто у него был всего один такой набор?

— Просто набивает цену, — фыркнул Лю Пэнфэй. — Купеческие уловки...

— Тише, — шикнул на него другой однокашник, — молодой князь рисует.

Лю Пэнфэй обиженно замолчал и уставился на Се Фэя, стоявшего у стола.

Се Фэй взял один из хрустальных флакончиков и внимательно рассмотрел его. Внутри прозрачного стекла был порошок цвета индиго, сияющий и яркий.

— Какой необычный синий, — удивлённо сказал он и велел служанке приготовить краски. — Посмотрим, как он будет выглядеть.

Несколько красивых служанок подошли к столу. Одна держала палитру, другая наливала воду, третья разводила клей. Се Фэй насыпал немного синего порошка на палитру, добавил воды и смешал. Затем взял большую кисть, обмакнул её в тушь и, немного подумав, несколькими быстрыми, уверенными мазками нарисовал крылья бабочки. Ещё несколько лёгких штрихов — и появились усики и лапки.

Тут же раздались восторженные возгласы:

— Какие плавные переходы цвета на крыльях, словно облака на ветру! Изящно и воздушно!

— Это техника «свободной кисти», — добавил другой. — Молодой князь владеет ею в совершенстве!

Се Фэй, привыкший к похвалам, лишь сдержанно улыбнулся и, повернувшись к Сюй Чуню, сказал:

— Действительно, прекрасный цвет. Яркий, укрывистый и очень стойкий. При добавлении воды меняется лишь насыщенность, но не сам оттенок. Редкость. Вы очень меня порадовали, наследник Сюй.

— Рад, что молодому князю понравилось, — поклонился Сюй Чунь.

— Похоже, вы и сами неплохо рисуете, — улыбнулся Се Фэй. — Иначе с чего бы купец стал предлагать вам краски?

— Я — профан, — смутился Сюй Чунь. — Учился несколько лет у художников, но они все ругали меня за перегруженную композицию, банальные идеи и излишнюю вычурность. Говорили, что у меня нет таланта.

— Ничего страшного, — улыбнулся Се Фэй. — Сегодня мы просто пробуем краски. Почему бы вам не добавить несколько штрихов к моей картине? Посмотрим, как лягут другие цвета.

Сюй Чунь понял, что молодой князь, хоть и знатен, но, увидев хорошие краски, не удержался и начал рисовать. Однако продолжать рисовать на глазах у гостей, стоящих ниже его по положению, было бы унизительно. А раз уж нужно было попробовать и другие цвета, он решил переложить это на него. Отказаться было нельзя.

Он взял кисть, выбрал несколько цветов и попросил служанку их развести. Затем взял тонкую кисть, обмакнул её в тушь и начал рисовать под взглядами собравшихся.

Сюй Гу наблюдал за ним.

— О, молодой князь рисует в стиле «свободной кисти», — заметил Лу Мосюань. — Твоему второму брату следовало бы продолжить в том же духе. А он взял тонкую кисть, будто собирается работать в стиле «гунби». Это неуместно. Боюй, может, выручишь его?

— Посмотрим, — ответил Сюй Гу. — Мой второй брат действительно учился рисовать.

Он учился вместе с ним. И хотя не питал страсти к живописи, он ценил возможность учиться у мастера и несколько лет прилежно занимался. Но он знал, что оба они — посредственные художники. Госпожа Шэн потратила большие деньги на учителей, но те считали его лишённым вдохновения и одержимости, а Сюй Чуня ругали за перегруженную, суетливую и вульгарную композицию.

— Он рисует человека? — покачал головой Лу Мосюань. — Молодой князь хотел попробовать краски. Для бабочки лучше всего подошли бы цветы. Их и рисовать проще, и цвета можно показать. Жаль, жаль. Сюй, может, всё-таки остановишь его?

Гости зашептались, разделяя мнение Лу Мосюаня. Лю Пэнфэй ехидно усмехнулся:

— Лу, не усложняй жизнь Боюю. Тот — наследник. Если он сейчас выйдет вперёд и затмит законного сына перед молодым князем, то дома ему не поздоровится от законной матери.

Лу Мосюань смутился и виновато посмотрел на Сюй Гу. Но тот лишь улыбнулся.

— Мой второй брат действительно хорошо рисует портреты. Они очень похожи.

Ну и что с того, что похожи... — подумал Лу Мосюань. На сходство уповают только уличные художники. В настоящем портрете главное — передать дух. Он замолчал и стал смотреть, что же нарисует юный наследник.

Тем временем Сюй Чунь несколькими быстрыми, плавными линиями набросал фигуру человека в просторных одеждах, лежащего на камне. Одно колено согнуто, одна рука под головой. Ленты от головного убора спадают на камень. Человек спит, его глаза закрыты. Всего несколько штрихов — и на лице проступило выражение отстранённой холодности. Вокруг камня росли орхидеи.

Закончив контур, Сюй Чунь взял кисть поменьше, обмакнул её в тот самый синий цвет и несколькими мазками раскрасил широкий халат. Движения его были лёгкими и быстрыми. Полы халата спадали с камня, цвет переходил от тёмного к светлому, складки ткани трепетали, словно на ветру, создавая ощущение холода и гармонируя с бабочкой наверху.

Закончив с халатом, Сюй Чунь взял большую кисть, обмакнул её в кармин и широкими, смелыми мазками нарисовал облака. Затем взял кисть ещё больше, обмакнул её в золотую краску и обвёл края облаков, придавая им сияние, словно от заката. На этом фоне синяя

бабочка казалась душой бессмертного.

Высокий дух лежащего внизу человека, его холодная, отстранённая красота, его неземной облик... И тёплые, яркие краски облаков, на фоне которых порхала бабочка... Это сочетание розового и синего создавало почти гипнотический эффект.

Все замолчали. Даже те, кто шептался, поняли, что этот юный наследник Сюй — не промах.

— Это аллюзия на сон Чжуан-цзы о бабочке? — улыбнулся Се Фэй. — Весьма смелое использование цвета.

— Да, — ответил Сюй Чунь.

— Это ведь портрет молодого князя, не так ли? — заметил один из гостей. — Черты лица очень похожи, только вид немного болезненный, что придаёт ему ещё больше неземного очарования.

Все посмотрели на Се Фэя и согласно закивали.

Се Фэй внимательно взгляделся в рисунок. Ему показалось, что не очень похоже, но в то же время лицо было знакомым. Раз уж все говорят, что похоже, значит, так оно и есть. Он улыбнулся и взял Сюй Чуня за руку.

— Не знал, что вы, брат Сюй, такой искусный художник. Скажите, есть ли у вас второе имя? Если я буду устраивать собрания художников, непременно приглашу вас.

— Моё второе имя — Сьюань, — смущённо ответил Сюй Чунь.

— «При виде осеннего ветра вспоминаешь о водяной щирце и окуне», — снова улыбнулся Се Фэй. — Сьюань — прекрасное имя. Впредь я буду звать вас так. А моё второе имя — Фэйюй. Вы тоже можете звать меня по второму имени, чтобы не было так официально.

Гости с завистью смотрели на Сюй Чуня. Он, с трудом сдерживая смущение, пробормотал несколько вежливых фраз. Се Фэй, казалось, был очень доволен. Он взял его за руку и усадил рядом с собой за стол. Во время пира он много разговаривал с Сюй Чунем, расспрашивая его о жизни. В глазах гостей это было знаком особого расположения. Даже Сюй Гу, пришедший с ним, получил несколько визитных карточек.

Пир прошёл весело. Когда в сумерках гости стали расходиться, Се Фэй, проводив их, решил, пока не прошло винное вдохновение, написать ещё несколько картин. Но тут ему доложили, что прибыл евнух Су Хуай.

Он испугался, поспешно поправил одежду и вышел навстречу. Су Хуай с улыбкой сказал:

— Молодой князь, не стоит беспокоиться. Государь услышал, что вы сегодня любовались снегом и написали картину о сне бабочки, которая получилась очень выразительной. Сейчас, в праздничные дни, государю скучно, и он велел мне привезти картину, чтобы скоротать время.

Се Фэй поспешно велел принести картину, а сам с улыбкой сказал:

— Такое пустяковое дело, зачем же вы, евнух, приехали лично? Неужели я сделал что-то не так и потревожил государя? — на его лице отразилось беспокойство. Он стал судорожно вспоминать, не было ли в картине чего-то предосудительного.

Су Хуай лично развернул свиток. Его взгляд упал на лицо спящего мудреца, и он мысленно ахнул. А наследник-то не промах! Недаром государь, рискуя, остался у него лечиться. Услышал, что тот нарисовал картину с молодым князем, и тут же послал меня за ней.

А ведь как похоже нарисовано! И выражение лица, и поза, и брови... Всего несколько штрихов, а как живой!

Су Хуай, цокнув языком, аккуратно свернул свиток и, взяв его в руки, сказал:

— Молодой князь, не беспокойтесь. Картина прекрасна. Государь, увидев её, непременно будет доволен и щедро вас наградит.

— Прошу вас, евнух, объясните государю, — поспешно сказал Се Фэй, — что эту картину рисовал не я один. Фигуру человека нарисовал наследник Сюй из резиденции Цзин. Я не смею присваивать себе чужие заслуги и обманывать государя.

Су Хуай слегка улыбнулся. Он знал, что государь эту картину не вернёт. А зная его характер, он щедро наградит молодого князя Се. Сказав ещё несколько слов, он откланялся и вернулся во дворец.

<http://bllate.org/book/16990/1583517>